

Summary

The article is devoted to the problems of origin, essence, plot-composing structure and system of genre peculiarities of “novel of upbringing”. It has been determined the perspective of analysis this genre in the Russian and Ukrainian prose in the second half of the XIX th century.

Keywords: bildungsroman, typology, genre, chronotop, genre subtypes, system of signs.

УДК 821.161.1'06

Погребная В. Л.,
доктор филологических наук,
Запорожский национальный
технический университет

ЭЛЕМЕНТЫ АВТОБИОГРАФИИ В СТРУКТУРЕ ЖЕНСКОГО РОМАНА 60–80-Х ГГ. XIX ВЕКА

Литературная деятельность женщин-писательниц второй половины XIX века до сих пор не стала объектом глубокого и всестороннего анализа. Если резюмировать попытки описания, оценки, классификации женского творчества этого периода, то выяснится, что работ, посвящённых изучению сюжетно-композиционных, жанровых особенностей художественных произведений писательниц, специфики женского письма, существует сравнительно немного.

В последнее время интерес к женскому творчеству возрос. Появился целый ряд работ, в которых обосновывается необходимость изучения творчества писательниц, в том числе и 60–80-х гг. XIX столетия, как особого культурного феномена, заново открываются или переосмысливаются женские тексты. Следует заметить, что в этом направлении уже сделаны первые шаги (работы А. Розенхольм [27], И. Савкиной [18], Б. Хелдт [26], Э. Шоре [25] и других учёных).

Вопросы мемуаротворчества, взаимовлияния литературных и мемуарных форм рассматриваются в работах историков, литературоведов, культурологов (А. Г. Тартаковского [20; 21], О. В. Мишукова [10], С. И. Машинского [9], И. Шайтанова [23], Н. А. Николиной [11], О. Г. Егорова [6] и др.). Цель нашей работы состоит в выявлении элементов автобиографии в структуре женского романа 60–80-х гг. XIX века.

Одной из первых в русском литературоведении XX века о взаимовлиянии художественной литературы и мемуаристики заговорила Л. Я. Гинзбург. Она писала в своей монографии “О психологической прозе”: *“Непрерывная связующая цепь существует между художественной прозой и историей, мемуарами, биографиями, в конечном счёте – бытовыми человеческими документами”. Соотношение это в различные эпохи было сложным и переменным. Литература, в зависимости от исторических предпосылок, то замыкалась в особых, подчёркнуто эстетических формах, то сближалась с нелитературной словесностью...* [3, 6].

Именно во второй половине XIX века границы между документальными и литературными жанрами становятся размытыми, нечёткими. Примеров тому – множество; наиболее показательные и известные – “Семейная хроника” С. Аксакова,

“Былое и думы” А. Герцена как мемуары в форме романа. Взаимодействие мемуарных жанров и романа повлияло на возникновение совершенно новых “образований”. Под прямым влиянием мемуарно-автобиографической литературы формировались такие разновидности романа как роман в письмах, роман-дневник, роман-автобиография, мемуарный роман и др.

Женская литература была издавна ориентирована на широкое использование мемуарных форм. Например, Е. Ростопчина в романе “Счастливая женщина” (1851–1852), Ю. Жадовская в романе “В стороне от большого света” (1857), А. Панаева в повести “Безобразный муж” (1848) широко используют дневники и письма как форму самовыражения главных героинь. В романе Е. Ростопчиной “У пристани” (1857), повести А. Суловой “До свадьбы. Из дневника одной девушки” (1863), “Рассказе в письмах” (1864) А. Панаевой письма выполняют не только эту функцию. Они формируют жанровую природу этих произведений (заметим, что “У пристани” – роман в письмах). Широко вводят эгодокументы в ткань своих романов Н. Хвоцинская, Марко Вовчок, Н. Соханская, С. Смирнова и другие романистки.

Женский роман 1860–80-х годов в жанровом отношении – явление многообразное. Целый пласт женской романистики обнаруживает близость к мемуарной литературе. Речь идёт, прежде всего, о жанровых формах автобиографического романа и романа-исповеди. Эта близость проявляется уже в названиях романов. Так, Л. А. Ожигина, называя свой роман “Своим путём (Из записок современной девушки)” (1869), сама даёт объяснение и определение его жанра. А. А. Комарова поступает подобным образом (известен её роман “Одна из многих (из записок нигилистки)” (1880)). Е. И. Конради называет свой роман “Исповедь матери” (1874).

Поскольку творчество женщин-писательниц данного периода имеет зачастую автобиографический характер, уже в названиях многих романов и повестей выражено стремление женщин к эмансипации и самоопределению, ощущается дух “нового” времени. Это касается и выше названных художественных произведений, и романов Н. Дмитриевой “На перепутьи” (1873), О. Шапир “В бурные годы” (1879), повести А. Суловой “Своей дорогой” (1863) и т.д.

Обращение романисток к мемуарным формам было обусловлено некоторыми общими закономерностями формирования романного жанра. Как отмечает В. Н. Захаров, *“жанровое содержание произведений XVIII–XIX вв. нередко выражалось в нетрадиционных жанровых формах, которые возникли в результате взаимодействия художественных и нехудожественных жанров: появились романы в форме переписки, путешествия, исповеди, дневника, записок, мемуаров. Это было вызвано новыми тенденциями в литературном процессе: расширением жанровой системы художественной литературы за счёт нехудожественных жанров”* [7, 171].

Автобиография как жанр оказала прямое воздействие на женский роман. Автобиография – повествование о своей жизни. Целью её написания, чаще всего, является желание осмыслить свой жизненный путь, понять себя. Женские автобиографии ценны тем, что в них возможно повествование о том, как автор переживает различные события окружающей жизни и собственные состояния. Это

взгляд “изнутри” на малознакомые в мужском дискурсе сугубо женские темы: описание переживаний во время “подготовки” девушки к замужеству, беременности, рождению ребёнка и т.д., воспроизведение особенностей женской профессиональной деятельности (некоторые виды деятельности во второй половине XIX века были свойственны, преимущественно, женщинам – например, труд няни, швеи, гувернантки).

Черты автобиографизма, несомненно, присутствуют в романе Л. А. Ожигиной “Своим путём”, поскольку в его основу положены реальные факты и события из жизни автора. Ожигина, дворянка по происхождению, после окончания харьковского женского пансиона, под влиянием новых эмансипационных веяний и требований самой жизни, работает учительницей, учится три года на медицинских курсах при Харьковском университете (с 1861 по 1863 год, до момента запрещения правительством высшего женского образования). Роман Ожигиной ценен именно тем, что в нём “изнутри” воспроизведён женский опыт – переживания девочки, подростка, девушки, её поиск своего места в мире, её путь к эмансипации.

Восприятие романа Ожигиной её современниками и потомками не было однозначным. Выход “Своим путём” не остался незамеченным. М. Е. Салтыков-Щедрин высоко оценил произведение писательницы, написанное в русле эмансипационных идей времени. Заметим, что критику импонировала не только идея этого романа (поиски девушкой “своего пути”, формирование её самосознания), но и собственно её художественное воплощение. Он писал: *“Независимо от идеи, вполне верной и человечной, само воспроизведение её доказывает в авторе присутствие таланта несомненного, хотя, впрочем, и не весьма крупного”* [19, 376–377].

Нотки непонимания и раздражения чувствуются в полемичном по отношению к статье Щедрина выступлении Н. В. Шелгунова (статья “Творческое целомудрие” // Дело. – 1871. – № 1). Критик считает, что “новая женщина” должна быть борцом, личностью исключительной, сильной, титанической. Пассивная Уля, с его точки зрения, не может быть примером для других девушек. Он пишет: *“В Улянке мы не находим ничего стального и упругого”* [24, 13]; *“... перцу в ней нет; она не мечет и не рвёт, а, напротив, плавёт по течению”* [24, 15]. Н. В. Шелгунов не учитывает, что жизнь многообразна в своих проявлениях, право каждого писателя – изображать не только титанические, выдающиеся личности, но и другие типы женщин. Автор романа не ставила своей целью изобразить исключительную личность. Её Уля – девушка обыкновенная, скромная, прилежная, рвущаяся к труду и образованию, однако не ищущая подвигов, борьбы и широкого круга деятельности.

Неправомерным является и обвинение Шелгунова в отсутствии вымысла в романе писательницы. Он отмечает: *“Если вас ведут в пансион 2-жи Лапре, вы в каждом слове видите, что вам дают фотографическую картину...”* [24, 19]. Нам представляется, что мемуарный характер этого произведения не является его достоинством или недостатком, а является лишь характерной его особенностью, причём это особенность не только романа Ожигиной, но и романов других писательниц (Н. Дмитриевой, Е. Конради, например). Автор “Своим путём” не скрывает автобиографический, мемуарный характер своего произведения, заявляя уже в его названии, что это “записки”.

Интересно, что другой критик “Дела”, С. Окрейц, дал более объективную характеристику романа Ожигиной “Своим путём” в статье-обзоре “Журналистика 1869 года. Новые романы старых романистов” (Дело. – 1869. – № 9). С. Окрейц, анализируя роман писательницы, справедливо отмечает склонность писательницы к “набрасыванию”, но отдаёт должное её знанию жизни и наблюдательности [12].

Сама писательница определяет жанр “Своим путём” как роман. Это определение считает условным Н. Шелгунов, указывающий на мемуарный характер этого произведения (критик утверждает, что этот роман представляет собой “подробную записную книжку” [24, 21]). Его мнение разделяет С. Окрейц. Он отмечает, что “Своим путём” “напоминает скорее любопытные мемуары, чем роман ... Но читается легко” [12, 105]. Замечание критика имеет под собой почву, ибо “Своим путём” – художественное произведение, имеющее признаки и романа, и мемуаров. Это, скорее, автобиографический роман. В нём много субъективного, личностного. Не вызывает сомнения то, что эпизоды, характеры, ситуации, нарисованные Ожигиной, глубоко ею прочувствованы. Она изображает свой опыт, свою жизнь. Доля вымысла, по всей видимости, здесь невелика. Скорее всего, присутствует некий художественный домысел.

М. В. Теплинский так определяет жанровое своеобразие этого произведения: “Скорее, это цикл очерков, написанных от первого лица и повествующих о тяжёлых жизненных испытаниях, выпавших на долю героини – Ульяны Бессоновой” [22, 72]. Думается, жанровая природа “Своим путём” имеет “синтетический” характер – в нём присутствуют черты не только выше названных жанров, но и черты романа воспитания.

Как и в биографическом романе, и в романе воспитания, начало произведения связано с изображением детства героини. В двенадцать лет Уля остаётся круглой сиротой. Жизнь готовит для неё трудности и испытания (прохождение их – тоже характерная особенность романа воспитания). Героиня полна решимости “сама свой хлеб зарабатывать” [14, 56]. Как и в романе воспитания, в “записках” Ожигиной показано созревание и взросление героини, воссоздаётся процесс формирования её жизненного опыта.

В романе Ожигиной присутствуют черты и бытоописательного романа. Автор мастерски передаёт грубый быт и нравы мастерской, демонстрируя наблюдательность, она подробно изображает ту сторону жизни, которую хорошо знает. Один из критиков “Санкт-Петербургских ведомостей” в рецензии на роман “Своим путём” писал, что именно вторая часть романа, где описывается пребывание Ули в магазине-мастерской, представляет собой “правдивый очерк печальной жизни русских швей” [17, 2]. Жизнь малолетних швей более чем печальна. Они живут в голоде, холоде и страхе. Спят три часа в сутки, не имеют привычки умываться. Вся их жизнь проходит в душной мастерской без света и свежего воздуха, они не видят и не знают, что происходит за её стенами. Приведём несколько бытовых зарисовок, ярко характеризующих жизнь девочек у их “благодетельницы”: “...за большим круглым столом, согнувши спины и поджавши босые ноги, сидело за работой 6–7 девочек. Стены и углы комнаты были низки, темны...” [15, 63]; “Все, за исключением

мастерицы, ужинали стоя, из одной общей миски. Потом для ночлега принесена была из сеней старая попона, с несколькими грязными, в набойчатых наволоках, подушками. Все улеглись на полу вповалку, прикрывшись какими-то лохмотьями [15, 65].

Таким образом, роман Ожигиной по форме приближается к мемуарам, представляет собой “живое”, правдивое свидетельство жизни различных слоёв общества (писательница выводит на сцену множество типов, детально описывает быт и атмосферу жизни обедневшего дворянства, нищих малолетних швей, пансионеров, их учителей, помещиков и т.д.). Жанровая природа романа Л. А. Ожигиной “Своим путём (Из записок современной девушки)” представляет собой сочетание элементов очерка, автобиографического и бытоописательного романа, романа-воспитания, мемуаров, исповеди. В романе функционирует особая, женская, описательность (писательница склонна к детализации, воспроизведению “мелочей” быта). В романе Л. А. Ожигиной проявились такие художественные приметы женского творчества как автобиографизм (несомненно, в основу “Своим путём” положены реальные факты и события из жизни автора), проникновенность, искренность и исповедальность тона, непосредственность и свежесть. Манера изложения Ожигиной отличается особой эмоциональностью, “живостью”.

Печатью автобиографизма отмечен и роман Н. Дмитриевой “На перепутьи”, поскольку в нём, как утверждает автор, отражена “*правдивая повесть моей жизни*” [5, 151]. Повествование ведётся от имени главной героини, Кати, матери многодетного семейства. Дмитриева строит роман как последовательное жизнеописание, в котором прослеживается чёткая хронология. Героиня вспоминает своё детство, обучение в пансионе, молодость, артистическую деятельность, историю замужества и семейной жизни. Автор практически отождествляется с главной героиней, поскольку полностью разделяет её мысли и чувства. Именно это отождествление позволяет отнести “На перепутьи” к литературной форме, находящейся на грани между мемуарами и романом. Это предположение подтверждает и тот факт, что роман, как правило, – это повествование о настоящем, а “На перепутьи” – воспоминание о прошлом. Однако, это произведение – не чистая автобиография, поскольку мемуарная основа в нём сочетается с художественными элементами, свойственными роману. В данном случае речь идёт о синтезировании, скрещивании признаков автобиографии и романа.

Немало страниц в книге посвящено описанию взаимоотношений матери и детей. Автор романа передаёт подробно атмосферу шума, суеты и суматохи, царящую в доме, массу мелочей и подробностей быта. Всё время матери большого семейства распределено по минутам. Семейные отношения рассматриваются Дмитриевой путём перечисления подробностей повседневной жизни. Писательница документирует свою жизнь, разбирая бытовые отношения и женский опыт. Автор романа “На перепутьи” описывает не только внешние события, она воспроизводит внутреннюю жизнь женщины, с её сомнениями, колебаниями, заблуждениями, мечтами. Показательно, что в одной из рецензий на роман писательница обвинялась в “*дамской тенденциозности*” [1, 1], показе “*кисло-сладких мечтаний женского ума и сердца*” [2, 2]. Критик утверждает, что женщины-писательницы “*ужасно много и*

напряжённо думают над самими собой, стараясь разъяснить себе свою натуру” [1, 1]. Именно эта сторона женского творчества представляется нам существенной. Кто как ни женщина должна объяснить сама себя, свои мысли, стремления и чувства?

Героиня романа “На перепутьи” искренне и правдиво изображает изменения своего настроения (например: “...не знаешь, что делать с собой: то волнуешься, то досадуешь на всё, то весело тебе, то тоска невыносимая, то душишь дитя ласками, то раздражаешься от всякого вздора...” [5, 161]), передаёт тончайшие нюансы своих чувств (например, узнав, что у дочери сильный жар, Катерина посылает за доктором и мужем: “И странное дело! Несмотря на беспокойство, я почувствовала что-то в роде удовольствия при мысли, что мужа испугают и не дадут ему покойно кончить его партию” [5, 191]). Ей хочется, чтобы муж по вечерам тоже занимался детьми, а не только ходил в клуб играть в карты (его общение с детьми, как правило, ограничивалось тем, что он “неистово кричал и топал ногами” [5, 174]). Героиня чувствует несправедливость в том, что у неё существуют только семейные заботы, тогда как у мужа есть служба, друзья, развлечения. Дмитриева разрушает стереотипное представление о справедливости распределения ролей между мужчиной и женщиной подобным образом.

Большинство произведений писательниц 60–80-х годов XIX столетия были порождены самой жизнью, основаны на женском опыте. “На перепутьи” – роман о сугубо женском восприятии мира, неудержимом стремлении героини к счастью и гармонии, её поисках своего предназначения. Новаторство Дмитриевой проявилось в расстановке феминистических акцентов, в совершенно иной, чем в мужской литературе, трактовке роли материнства в жизни женщины.

Синтезирование признаков различных видов романа и других прозаических жанров наблюдается и в “Исповеди матери” Е. И. Конради. Известно, что писательница назвала свою “Исповедь...” романом. Насколько такое жанровое определение правомерно? В этом произведении отсутствует любовная интрига, повествование ведётся от имени автора и скорее напоминает педагогический трактат о воспитании. Прежде всего, необходимо признать, что “Исповедь матери” носит автобиографический, дневниковый, исповедальный характер.

Слово “исповедь” имеет несколько значений. Это не только покаяние в грехах перед священником, но и откровение перед собой, перед людьми (“Откровенное признание в чём-нибудь, сообщение своих мыслей, взглядов” [13, 219]). В данном случае имеется в виду авторская исповедь. Манера изложения Е. И. Конради в романе “Исповедь матери” характеризуется откровенностью, исповедальностью, искренностью, доверительным тоном повествования. Предельная искренность объясняется тем, что автор сознательно ставит перед собой цель дать исчерпывающее изображение самой себя. В данном случае Конради “изнутри” изображает свой опыт материнства. Именно стремление к предельному самораскрытию и позволяет автору определить свой роман как “исповедь”.

Следует заметить, что к моменту написания “Исповеди матери” уже существовала литературная традиция использования исповеди как формы повествования. Поворотным пунктом в развитии жанров автобиографического романа,

романа-исповеди учёные рассматривают “Исповедь” (1765) Жан-Жака Руссо. Н. Л. Пушкарёва пишет: *“Готовность этого выдающегося мыслителя к психологическому обнажению спровоцировала взрыв увлечения исповедальным жанром. Автобиография как документ души и источник представлений человека о себе самом прочно заняла своё место между литературным произведением и строгим документом, между вымыслом и историей, если понимать под последней описание реальных фактов”* [16, 63]. С появлением “Исповеди” Жан-Жака Руссо понятие “исповедь” стало обозначать и особую, специфическую характеристику стиля (например, исповедальный характер дневника), и литературный жанр. Н. Громова отмечает: *“Исповедь, сделавшись литературным жанром, стала разговором человека с человечеством”* [4, 33].

Лирический герой Руссо повествует о самом сокровенном, о своих мыслях, делах и проектах. Откровения Руссо делают “Исповедь” психологическим документом. “Исповедь матери” Конради тоже можно считать своеобразным психологическим документом, точно воспроизводящим думы и чаяния образованной и эмансипированной русской матери. Наряду с исповедальным характером повествования, можно выделить такие особенности творческой манеры Конради как фактографичность (в книге много конкретных примеров из жизни детей, их родителей), публицистичность, дидактизм, жизненность. Посвящая роман своим детям, Е. И. Конради писала: *“...пускай **правдивый рассказ** обо всём, что было пережито и передумано с вами и через вас за эти **двенадцать лет** (выделено Е. И. Конради), принесёт ту долю пользы для других, какую думаю, может принести всякая повесть об искреннем и напряжённом искании добра и истины”* [8, 35].

В романе “Исповедь матери”, по сравнению с публицистикой Конради, появляется такое качество как лиризм. Проникновенно и с любовью писательница рисует своих детей – сына Алексея и дочь Ольгу, повествует об их первых шагах, первых словах и вопросах, любит ими. Они – главные герои этого произведения. Автор описывает те чувства, которые охватывают молодую мать – восторг, страх, умиление, восхищение и т.д. Жанровая форма исповеди позволяет говорить обо всём начистоту. Те страницы книги, которые посвящены материнству – самые лиричные, трогательные, проникновенные. Например, писательница так обращается к матери: *“Помните ли вы, читательница, ту пору ... когда вы впервые, в опьянении стыдливой гордости и недоверчивой радости, сказали себе, что вскоре будете матерью? ... Помните ли вы... этот безумно-радостный и целомудренно-сладострастный трепет, которым существо ваше отозвалось на первые слабые трепетанья, говорившие вам так таинственно и так властно о возникающей в вас новой жизни, тесно связанной с вашей и, в то же время, отдельной от вас? Затем начинаются весёлые хлопоты приготовления – эта поэзия интимной жизни, которая, сплетаясь в тонкие, грациозные узоры из мелочей обыденной житейской прозы, тем не менее, если она озарена и согрета огнём чувства, излучает свой реальный, глубокий смысл”* [8, 2].

Итак, жанровая природа “Исповеди матери” синтетична. В этом произведении сочетаются элементы автобиографии, романа-воспитания, педагогического трактата,

публицистического выступления, исповеди. Стиль писательницы характеризуется особой эмоциональностью, лиризмом, проникновенностью, публицистичностью.

Известно, что жанровые предпочтения женщин-писательниц 60–80-х годов XIX столетия были отданы роману и повести. К середине XIX века в женской литературе существовала устоявшаяся система жанровых вариантов повести, сформировавшихся в процессе становления романтической прозы (светская (салонная), деревенская, провинциальная, петербургская, семейно-бытовая (домашняя)). В основе всех разновидностей повести лежал любовно-психологический конфликт героя (героини) со “светом”, определяющий особенности сюжета, композиции, пафоса. Женские повести (Н. А. Дуровой, Е. П. Ростопчиной, Е. А. Ган, М. С. Жуковой, Е. В. Салиас де Турнемир, А. Я. Панаевой и др.) несколько отличались от повестей мужских (В. Ф. Одоевского, Н. А. Полевого, И. И. Панаева и др.) большей достоверностью в воспроизведении жизни женщины, её борьбы за свободу выбора спутника жизни, большей “документальностью”, поскольку писательницы широко использовали в ткани своих произведений записки, воспоминания, письма, дневники.

Следует заметить, что в 50–60-е гг. XIX столетия большая часть вышеназванных писательниц пробует свои силы в написании романа. Е. П. Ростопчина, Е. В. Салиас де Турнемир (Е. Тур), А. Я. Панаева (Н. Станицкий), Ю. В. Жадовская, Н. Д. Хвоцинская (В. Крестовский-псевдоним) создают целый ряд семейно-бытовых, биографических, светских романов. Наиболее известные из них – романы “Счастливая женщина” (1852), “У пристани” (1857) Е. Ростопчиной, “В стороне от большого света” (1857), “Женская история” (1861) Ю. Жадовской, “Племянница” (1850) Е. Тур, “Мелочи жизни” (1854), “Роман в петербургском полусвете” (1860) А. Панаевой, “Провинция в старые годы” (1850–1856) Н. Хвоцинской. Обращение писательниц к жанру романа не было случайностью. Женская литература развивалась в русле жанровых тенденций, характерных для литературного развития того времени. Повести и романы женщин-писательниц имели, как правило, автобиографический характер, что наложило отпечаток на глубину передачи внутренней жизни героинь.

Автобиографическое начало присутствует, например, в романе Марко Вовчок “Живая душа” (1868). Описание пребывания Маши в доме родственницы, её отношения с нею напоминают действительные факты из жизни писательницы, жившей в доме тётки, Е. П. Мордовиной.

Итак, творчество женщин-писательниц 1860–1880-х годов велико по объёму и разнообразно по своему структурно-поэтическому и жанровому составу. Отличительные особенности женского романа – особый лиризм, эмоциональность, исповедальность тона. Большинство произведений писательниц 1860–1880-х годов имеют автобиографическое начало, что свидетельствует о желании авторов сказать слово о себе, выразить своё “я” и сделать его предметом психологического и литературного исследования (романы Марко Вовчок “Живая душа”, “В глуши”, Н. Хвоцинской “Большая Медведица”, Е. Конради “Исповедь матери”, Н. Дмитриевой “На перепутьи” и другие).

Личное “я” писательниц выражается через автобиографические темы, мотивы, образы. Писательницы показывают жизнь женщины “изнутри”, свидетельствуют о

сомнениях, колебаниях, стремлениях своих современниц. Эта особенность сказалась на появлении в женской литературе множества автобиографических романов, романов-исповедей, романов-записок. В произведениях подобного рода наблюдается авторское пристрастие к использованию форм дневника, записок, воспоминаний, писем, исповедей, позволяющих закрепить документальность “истории женской души”, повествованию от первого лица с концентрацией на внутреннем мире героини. Именно в этих романах отражена сущность женской природы, выражены особенности женского виденья мира.

Сказанным нами не исчерпываются дальнейшие перспективы изучения жанрового своеобразия романистики писательниц второй половины XIX века. Для исследователей женского творчества открыто широкое поле деятельности – как в плане изучения малоизвестных текстов, так и в плане переосмысления уже изученных.

Литература

1. А. О. [Авсеенко В. Г.]. Очерки текущей литературы / О. А. [В. Г. Авсеенко] // Русский мир. – 1873. – № 25. – С. 1–2.
2. А. О. [Авсеенко В. Г.]. Очерки текущей литературы / О. А. [В. Г. Авсеенко] // Русский мир. – 1873. – № 46. – С. 1–2.
3. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – Л. : Советский писатель, 1971. – 464 с.
4. Громова Н. Елизавета Дьяконова и её дневники / Н. Громова // Детская литература. – 1990. – № 1. – С. 31–33.
5. Дмитриева Н. На перепутьи / Н. Дмитриева // Вестник Европы. – 1873. – № 1. – С. 35–87 ; № 2. – С. 625–674 ; № 3. – С. 151–208 ; № 4. – С. 765–799.
6. Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века : исследование / О. Г. Егоров. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 288 с.
7. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского : типология и поэтика / В. Н. Захаров. – Л. : Издательство ЛГУ, 1985. – 208 с.
8. Конради Е. И. Исповедь матери / Е. И. Конради // Сочинения : [в 2-х т.]. – Т. 1. – СПб. : Типография А. Пороховщикова, 1899. – 538 с.
9. Машинский С. И. О мемуарно-автобиографическом жанре / С. И. Машинский // Вопросы литературы. – 1960. – № 6. – С. 129–145.
10. Мишуков О. В. Русская мемуаристика первой половины XIX века : проблемы жанра и стиля / О. В. Мишуков. – К. : Сигма, 1997. – 324 с.
11. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы : [учебн. пособие] / Н. А. Николина. – М. : Флинта ; Наука, 2002. – 424 с.
12. Окрейц С. Журналистика 1869 года. Новые романы старых романистов. Статья первая / С. Окрейц // Дело. – 1869. – № 9. – С. 72–112.
13. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1986. – 797 с.
14. Ожигина Л. Своим путём. Роман (Из записок современной девушки). Часть первая / Л. Ожигина // Отечественные записки. – 1869. – № 3. – С. 1–56.
15. Ожигина Л. Своим путём. Роман (Из записок современной девушки). Часть вторая / Л. Ожигина // Отечественные записки. – 1869. – № 5. – С. 59–86.
16. Пушкарёва Н. Л. У истоков женской автобиографии в России / Н. Л. Пушкарёва // Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 62–69.
17. Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. – 1869. – № 137. – С. 1–2.
18. Савкина И. “Пишу себя...” : автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века / И. Савкина. – Tampere : University of Tampere, 2001. – 360 с.

19. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : [в 20-ти т.] / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Художественная литература, 1965. – Т. 9 : критика и публицистика (1868–1883). – 1970. – 647 с.
20. Тартаковский А. Г. Мемуаристика как феномен культуры / А. Г. Тартаковский // Вопросы литературы. – 1999. – № 1. – С. 35–55.
21. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века / А. Г. Тартаковский. – М. : “Археографический центр”, 1997. – 357 с.
22. Теплинский М. В. Л. А. Ожигина / М. В. Теплинский // Пятнадцать литературоведческих сюжетов с автобиографическими комментариями, двумя приложениями и эпилогом. – Иваново-Франковск : Издание Татьяны Завгородней, 2002. – С. 71–77.
23. Шайтанов И. “Непроявленный жанр”, или Литературные заметки о мемуарной форме / И. Шайтанов // Вопросы литературы. – 1979. – № 2. – С. 50–77.
24. Шелгунов Н. В. Творческое целомудрие / Н. В. Шелгунов // Дело. – 1871. – № 1. – С. 1–34.
25. Шоре Э. Женская литература XIX века и литературный канон : к постановке проблемы / Э. Шоре // Проблема автора в художественной литературе : [межвуз. сборник научных трудов]. – Ижевск : Изд-во Удмуртского университета, 1998. – Вып. 11. – С. 263–273.
26. Heldt B. Terrible perfection : Women and Russian Literature / B. Heldt. – Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 1987. – 174 p.
27. Rosenholm A. Gendering awakening : Femininity and the Russian woman question of the 1860 s. / A. Rosenholm. – Helsinki : Kikimorapubl., 1999. – 660 p.

Аннотация

В статье анализируются жанровые особенности автобиографического романа и романа-исповеди на примере малоизученных произведений Л. А. Ожигиной “Своим путём (Из записок современной девушки)”, Н. Дмитриевой “На перепутьи”, Е. И. Конради “Исповедь матери” и др. Доказывается, что в этих произведениях наблюдается авторское пристрастие к использованию форм дневника, записок, воспоминаний, писем, исповедей, позволяющих закрепить документальность “истории женской души”, к повествованию от первого лица с концентрацией на внутреннем мире героинь.

Ключевые слова: мемуары, дневники, письма, воспоминания, записки, тема, мотив, жанр, роман-исповедь, автобиографический роман, автобиографизм.

Анотація

В статті аналізуються жанрові особливості автобіографічного роману та роману-сповіді на прикладі маловивчених творів Л. О. Ожигіної “Своім шляхом (З нотаток сучасної дівчини)”, Н. Дмитрієвої “На перепутті”, Е. І. Конраді “Сповідь матері” та ін. Доводиться, що в цих творах спостерігається авторське прагнення до використання форм щоденника, нотаток, спогадів, листів, сповідей, що дозволяють закріпити документальність “історії жіночої душі”, до повістування від першої особи з концентрацією на внутрішньому світі героїнь.

Ключові слова: мемуари, щоденники, листи, спогади, нотатки, тема, мотив, жанр, роман-сповідь, автобіографічний роман, автобіографізм.

Summary

In the article the author determines the genre peculiarities of autobiographical novel and novel-confession basing on the little-studied works by L. A. Ozhigina “By his own way (From the notes of a modern girl)”, N. Dmitrieva “Crossroad”, E. I. Konradi “Mother’s Confession” and others. The author of the article proves that in this literary works there is the authors’ aspiration for using forms of a diary, notes, memories, letters, and confessions. It allows the writer to strengthen the documentary of a “history of a female soul”. The writer also uses the narration from the first person and concentrates on the inner life of the heroines.

Keywords: memoirs, diaries, letters, recollections, notes, topic, motive, genre, novel-confession, autobiographical novel, autobiography.

УДК 821.161.2

Філоненко С. О.,
доктор філологічних наук,
Бердянський державний
педагогічний університет

100 ВІДТІНКІВ ЧОРНОГО: НУАР ЯК ЖАНР І СТИЛЬ У СУЧАСНІЙ МАСОВІЙ ЛІТЕРАТУРІ

Сьогодні нуар є одним із найцікавіших і найпопулярніших явищ культури, переважно кіно й мистецтва слова. Він виник у середині ХХ століття, пережив кілька “ренесансів” і трансформацій і наразі постає у вигляді неонуару або постнуару. Вийшовши з надр масової культури, пов’язаний із кримінальним читвом, він тепер привертає увагу високочолних критиків, які досліджують кореляції нуару з модернізмом і постмодернізмом, експресіонізмом та екзистенціалізмом, фемінізмом та мультикультуралізмом, вважаючи це явище “епосом нашого часу”, породженим урбаністичною культурою [8, 1]. Фільми й романи в стилі нуар користуються незмінною любов’ю публіки в багатьох країнах світу, яка заморожена темними барвами творів. “У чому притягальність цих похмурих, депресивних образів – кам’яні джунглі, фатальні жінки, цинічні, биті життям герої? Можливо, тим, що під пресом рокованих обставин і безвиході персонажі знаходять у собі сили протистояти несправедливості цього світу? Або зачаровує сам світ – темне, просякнуте дощем місто, люди-жертви й люди-хижаки, похмурі лицарі з крупнокаліберними пістолетами замість вірних мечей?” – розмірковує російський кінознавець Анжеліка Артюх [1]. Популярність нуару засвідчують численні тематичні кіно- та літературні фестивалі, інтернет-спільноти та навіть комп’ютерні ігри, як-от “L. A. Noire” (“Лос-анджелеський нуар”).

Нуару як мистецькому феномену присвячена обсяжна література. Кінонуар розглядався в працях Джона Белтона, Пола Шредера, Фостера Гірша, Джеймса Деміко, Реймонда Лургната, Джона Вітні, Анжеліки Артюх, літературний нуар висвітлено в студіях Клер Горрара, Пола Дункана, Стівена Фейсона, Джин Д. Філліпс, Річарда Б. Шварца та багатьох інших. **Актуальність** дослідження жанрової специфіки та стилістики нуару в літературі зумовлена як важливістю інтермедіальних студій, вивчення взаємодії кіно й письменства, так і потребою з’ясування впливів зарубіжного нуару на сучасну українську масову літературу, зокрема на детективну прозу.

Слово “нуар” походить із французької мови і в буквальному перекладі означає “чорний”. Традиційно цей прикметник виступав прикладкою до слова “роман”: “le roman noir”, тобто “чорний роман”, – синонім “готичного роману”, “роману жахів”. Однак у ХХ столітті термін розширив своє значення. Стосовно кіно його застосував французький критик Ніно Франк у 1946 році [8, 1]. Він посилався на серію книжок – британських та американських кримінальних романів, які публікувало в 1945 році французьке видавництво “Галлімар” під керівництвом редактора Марселя Дюамеля.